

ТЕАТР И ЕГО ПРИНЦИПЫ

О спектаклях театра имени
К. С. Станиславского

С ТЕХ пор, как созданием К. С. Станиславского студия превратилась в театр, который, создавая себе все условия, пропал из действительной жизни. Быстрые студийные спектакли актеров. Их актерское искусство, которое было так свежим и своеобразным в первых спектаклях — «Три острей» и «День чудесных обманов», приобрело черты профессионализма, несвойственного опыту.

Настала пора относиться к этому коллективу без всяких складок на молодости, пора поставить вопрос о творческих принципах, которые стремятся осуществлять театр в его главной режиссер, один из ближайших учеников К. С. Станиславского М. Я.

«Лично театраль» определяется в первую очередь его репертуаром. Какие пьесы советских драматургов идут ныне в театры имени Станиславского? В репертуарной афише значатся пьесы «Семья Бугровых» М. Макашова и «Ша уланы Счастливой» Ю. Приинова, посвященные событиям гражданской войны, пьеса С. Ермолинского «Гриболова», пьеса М. Калининского и Л. Березина «Правда о его отце», действие которой протекает в минувшие дни, во времена нашей Родины, в современной Германии, и, наконец, комедия А. Симукова «Девичья красавица». Эта комедия — единственный отклик театра на сегодняшнюю жизнь нашего общества.

Такое построение репертуара показывает, что театр уделяет современникам очень мало внимания. Возможно ли это, случайности нынешнего сезона? Но нет — театр имени Станиславского уже пять лет удерживает своеобразный рекорд, поставив за все эти годы всего пять спектаклей, посвященных жизни наших дней.

Пьесы, посвященные сегодняшней советской действительности, разве как и пьесы о героической поре гражданской войны, появляются в репер-

туаре от случая к случаю. На смену проливают схематичные, бледные, выцветшие произведения, такие, как «Наше будущее» и «Две судьбы». Эти пьесы, надуманные в сухие, очень скоро перестали интересовать зрителей, они вошли со сцены, едва появившись на свет.

Было бы естественно жалеть от театра имени Станиславского спектаклей, отмеченных печатью особого внимания к мыслям и чувствам советских людей, к тому, что Станиславский называл «жизнью человеческой души». Но театр почему-то выбирает такие драматургические произведения, в которых чувства изображаются самым поверхностным образом, а мысли — элементарны и далеко вняком зрителям. У пьесы А. Симукова «Девичья красавица» есть свои достоинства, но гораздо больше в ней недостатков, а она связана прежде всего в нарочитой схематизации человеческих чувств, человеческих отношений. В пьесе пьес герой ее Сергей Третьяков должен надолго расстаться с любимой и любить его. Лучшей Мишей Ракитиной, уезжающей на большое строительство. Но перспектива разлуки ничуть не смущает бодрого деда.

— Серезенька! — восклицает она. — Это же совсем близко, шесть суток всего, а курьерским и того меньше!

Столь же неудачно, хотя и сдобренное небольшим дозой лирики, отношение к жизни, к ее трудностям весьма характерно не только для этой пьесы, но и для последней новинки театра — пьесы Ю. Приинова «Ша уланы Счастливой».

Совершенно очевидны «перевосхо-

жден» этой пьесы — в ней больше пережитого других произведений о гражданской войне (таких, как «Две судьбы», «Наше будущее» 1919-20), чем свежего, перспективного в самостоятельном изучении желанной истории жизненного материала. И хотя режиссура (М. Яшин и Т. Кордашова) призывает все условия, чтобы придать спектаклю поэтичность, романтическую выразительность, все же он, приобретая порой эти прекрасные качества, остается неуловимым — скандалом подражательность, жалость пьесы.

Чрезвычайно схематична пьеса М. Калининского и Л. Березина «Правда о его отце». Если в «Девичья красавица» схематизм порождается беззаботно-легкомысленным отношением автора к судьбам своих героев, его склонностью смазывать и сглаживать действительность, то в «Правде о его отце» схема диктуется приемами действия, когда интерес зрителей привлекает не стойкостью характеров, а надуманная запутанность и внешняя эффектность сюжетных построений.

Разумеется, все жанры хороши. Но схема, простираящая спохоро художественную ткань пьесы, портит произведение любого жанра. А главное — откуп у театра имени Станиславского такое нетребовательное пристрастие к пьесам, где характеры не выявлены, едва намечены? Ведь принципы, заложенные в основу творчества этого коллектива, обязывают его в первую очередь интересоваться произведениями, в которых человеческие характеры раскрываются наиболее богато и полно.

Классический репертуар театра также не отличается продуманностью. Наряду с такими творениями, как «Чужая» Горького и «Бесприданница» Островского, ставшие далекой от современности инсценировка «Крошки Доррит» Диккенса.

«Бесприданница» — одна из труднейших задач мирового репертуара. И не удивительно, что спектакли, поставленные М. Яшиным, повсюду вызвали ошеломляющие успехи. Лучшая артистка театра Юлия Гриненко в первое время играна Ларису мало-вероятно, впала в сентиментальное любовное страдание своей героини, не раскрывая ее темперамента, ее духовной силы. Спектакль был словно овеян странной и прелестью умственной заурядностью. Но режиссер, а именно в этом спектакле замечательна и дружба Симонович и сдержанный жестокость Ларисы проступают в игре Л. Гриненко подлинно трагедийные очертания образа, обозначились его волнующий смысл, дыша азулазла гневным обличием обществу, праведное человеческой красоте, любви, свободе. Фигура Ларисы заняла победоносное ее место — в центре спектакля, а тогда обнаружился интересный режиссерский замысел образа Караидыша, воплощенный С. Маркушевым. Новый исполнитель роли Клушова В. Миславский привнес в обаятельную выразительность и ясность. Лучшие стали играть М. Крауцунская в роли Ефросиньи Потаповой, Б. Ляйнов в роли Робинзона. И хотя понятие остается едва замеченным образами Паратова и Огулдавова, хотя Л. Гриненко явно реализовала еще не все свои возможности в роли Ларисы, тем не менее есть основание верить, что трудная работа над великолепным творением Островского будет доведена театром до успешного завершения.

Спектакль «Крошки Доррит» не внушает таких надежд. И не только потому, что автор инсценировки А. Бруштейн слишком скупо и бедно воспроизвел в пьесе наиболее актуальные ныне зло-стихические главы диккенсовского романа, но и потому, что герои этой пьесы познали все горести, а ведь драматургу легко через них «перепрыгнуть».

В пьесе теряется все рассказанное

Диккенсом, а том, как умно Кленкина добавляет обоснования Дорритов, незаметно упрощаются и догматизированы, а то, как самоотверженно Эми Доррит борется с пороками отца, сестры и брата. В романе Эми и Кленкина — люди, активные, действующие, поглощенные жизненной борьбой и потому интересные. В спектакле же она, несмотря на все усилия одаренных молодых артистов И. Дровосиловой и А. Головиной, — фактуры совершенно ласковой, а потому — неинтересная, по которой вымываются сострадание, но когда не вымываются желания, проявляют им. Характеры героев остаются нераскрытыми. Все сцены, происходящие в долговую тюрьму, волнующий интерес сценического действия приобретает только тогда, когда сам переносится в полон утробной, жестокой старухи миссис Кленкина, которую сильно и драматично играет Т. Гурко. Рядом с миссис Кленкиной — отрицательный, злобно расклевывающий старик Филитинич, мастерски воплощенный Ю. Малыговым. В комедии, где обитает эта достойная дара, время от времени с плавающим все время азартного игрока вторгается авантюрист и мошенник Бланду — а именно создание артиста Б. Леванкова. Тут, в этой компании, следится злое богатство, а оно единодушно разоблачается в Диккенсом, и драматургом, и режиссером, и художником. Но как жаль, что разоблачение так бедно, как жаль, что в спектакле так и не показано «милостивость милостивости», превосходства, с редкой старческой остротой изображенное Диккенсом!

В целом спектакль выглядит оптимистично обличительным, неглубоким. Театр склоняет по повествованию характеров, не вникая в их содержание, не раскрывая их содержания.

В лучших спектаклях театра имени Станиславского, таких, как «Бесприданница», «Гриболова», «Семья Бугровых», актеры выступают во всю глубину уверенного мастерства. Именно

в этих спектаклях раскрываются в замечательную вселенную полноты таланты Л. Гриненко, Б. Леванкова, С. Маркушева, С. Усова и других. Но бедная драматургия неизбежно обедняет актерское творчество, и в спектаклях, подобных «Гриболова» его оптимизм, уровень мастерства всей труппы резко снижается. И становится особенно очевидным главный недостаток, свойственный многим исполнителям — неумение перевоплощаться, неспособность внести до конца процесс создания образа. На сцене театра имени Станиславского ориентировано редко замечать грубую вынужденность к актерским штампам, механистическим исполнениям. Но зато мы бесконечно узнаем артистов Головиной, Прейс, Белоусова, Белоговского и других, какие бы они роли ни играли. Узнаете потому, что, являясь творческим процессом работы над ролью в полном соответствии с требованиями Станиславского — отпрямляя себя, эти актеры, однако, не доходят до образа. Вот почему спектакли театра имени Станиславского часто кажутся дышащими своеобразия, вялыми, скучными.

Принципы системы Станиславского, осуществляя которые стремится театр его имени, требуют последовательности, настойчивости и безусловности в последовательной творческой работе. Именно поэтому К. С. Станиславский в последние годы своей жизни так горько предупреждал студентов: «Нельзя топтаться на месте. Если за день не приобретено ничего нового, — день этот потерял».

Когда репертуар театра определяется ценно случайностей, в непредвиденном, серьезным оборотом пьес, когда театр обращается к темам современности, лишь вредно и лишь поверхностно не касаясь, тогда трудно топтаться на месте, довольствуясь речками и реками, не развивая их, она теряет не только дни — она теряет драгоценное профессиональное мастерство, теряет своеобразие коллективного искусства.

К. Рудницкий.